

УДК 070

**УСПЕХ КАК ЦЕННОСТЬ В ПОДАЧЕ РОССИЙСКИХ СМИ
(геронтологический дискурс)***И.А. Бельцова***Аннотация**

В статье рассматриваются основные интерпретации понятия «успех» в современном российском обществе. С опорой на шкалу, предложенную Г.Л. Тульчинским, в исследовании выделяются успех-преодоление, успех-самопреодоление и успех-призвание. На примере статей, опубликованных в газетах «Известия» и «Российская газета», анализируются особенности дискурсивных практик конструирования указанных видов успеха в геронтологическом ракурсе. В русле социального конструкционизма в работе применяется метод критического дискурса-анализа, предложенный научными школами Н. Фэрклоу и Р. Водак. В ходе исследования выявлены особенности дискурса успешности в трех указанных вариациях в геронтологическом контексте, а также продемонстрирована многогранность понятия «успех», несводимость его семантического поля к материальному аспекту.

Ключевые слова: успех, успех-преодоление, успех-самопреодоление, успех-призвание, дискурс-анализ, дискурсивные практики, пожилые, третий возраст.

В последнее десятилетие в России наблюдается повышенный интерес к феномену успеха. Основанное на системе ценностей, существующей в том или ином социуме, семантическое наполнение данного понятия может варьироваться, приобретая новые смысловые оттенки в зависимости от того, в контексте какой культуры оно рассматривается. Так, западная модель успешности, базируясь прежде всего на утилитарных ценностях, основным критерием успеха провозглашает общественное признание, социальный статус [1, с. 10]. Анализ научной литературы, посвященной феномену успеха, показывает, что именно эта модель становится объектом исследования большинства современных ученых.

Что же собой представляет российская модель успеха? В отличие от западной, она характеризуется неоднозначностью, чрезвычайно сложной и многоуровневой структурой. Рассматривая особенности феномена успеха в России, прежде всего необходимо обратиться к анализу системы ценностей, существующей в нашей стране. Согласно исследованию С.Ю. Кагитиной, она представляет некое противоречивое сочетание культурно-исторических духовных ценностей с целым рядом ценностей, воспринятых из культуры западных стран, которые в большинстве своем не сочетаются с первыми: «В западной протестантской картине мира основополагающие смыслообразы: “рационализм”, “индивидуализм” и “либерализм”... Для православия характерными архетипами являются “державность”, “соборность” и “духовность”...» [2, с. 11]. Несмотря

на разнонаправленность, обе эти системы сосуществуют сегодня в нашем обществе, обуславливая амбивалентность и многоаспектность понятия «успех».

Исследованию особенностей российской модели успеха посвящены труды таких крупнейших ученых, как Ю.В. Согомонов, А.Ю. Согомонов, В.И. Бакштановский, Г.Л. Тульчинский. Последний предлагает следующую шкалу успеха: «успех-признание (популярность), успех – признание значимыми другими, успех-преодоление, успех-самопреодоление (самосовершенствование) и успех-призвание» [3, с. 30–31]. Как отмечалось выше, большая часть современных исследований посвящена успеху-популярности, созвучному с западной системой ценностей. Успех как преодоление, самопреодоление и призвание практически не освещены в научной литературе. Эти виды трудно идентифицируемы, а потому представляют особенную сложность для исследования.

Модели успеха, существующие в различных культурах, отличаются по целому ряду признаков, однако критерий, признаваемый большинством современных социумов в качестве одного из ключевых в образе успешного человека, – это молодость. Пропагандируемая телесность, упор на визуальную составляющую трансформировали массовое сознание, поставив утилитарные, материальные ценности, в том числе и внешние данные, на первое место (см. [4, с. 4]). Ключевую роль в этом процессе играют средства массовой информации. В условиях культа молодости наблюдается исключение некоторых категорий населения (в первую очередь пожилых людей) из социальной жизни, пожилых все реже причисляют к субъектам успеха. Возникает вопрос: может ли представитель третьего возраста быть успешным? В особенности если он не принадлежит к узкому классу элиты, обладающей популярностью, высокими материальными возможностями и социальным статусом? Ответ на этот вопрос будет положительным, если мы говорим о таких видах успеха, как преодоление, призвание (по шкале Г.Л. Тульчинского). Именно эти типы успеха имеют в своей основе культурно-духовные ценности, которые, на наш взгляд, необходимо возрождать и пропагандировать в современной России.

Настоящая статья посвящена анализу репрезентации успеха-преодоления, успеха-самопреодоления и успеха-призвания в геронтологическом контексте в средствах массовой информации. На примере общефедеральной прессы мы исследуем особенности дискурсивных практик, используемых для конструирования этих видов успеха. Теоретико-методологической базой исследования послужили основные идеи социального конструкционизма.

Основоположники названного направления, П. Бергер и Т. Лукман, отмечали конвенциональную природу социальных институтов, а также социального знания, воспринимаемого человеком как само собой разумеющееся. Социальная реальность не задана от природы, это искусственно созданный мир, продукт человеческой деятельности. Ученые утверждают, что «для правильного понимания “реальности *suī generis*” общества требуется исследование того, как эта реальность конструируется» [5, с. 36]. Одну из ключевых ролей в этом процессе играет язык, подчиняя сознание человека своим структурам: «...Язык объективирует мир, преобразая *panta rhei* опыта в связный порядок. Устанавливая этот порядок, язык *реализует* мир в двойном смысле слова: он его постигает и он

его производит» [5, с. 248]. Из сказанного можно заключить, что язык конструирует социальную реальность.

Роль языка в процессе социального конструирования исследовалась такими крупнейшими представителями конструкционизма, как М. Фуко, П. Бурдьё, Дж. Серл. Указанная функция языка анализируется через понятие дискурса. Согласно М. Фуко, дискурс – это «совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования» [6, с. 210]. Мы рассматриваем дискурс в первую очередь как оформленные языковой структурой общественные практики, сформированные под влиянием определенных исторических, национальных факторов. Другими словами, анализируя семантическое поле определенного понятия (в нашем случае понятия «успех»), полноту и многогранность его смыслового наполнения, можно выявить специфику ментальности общества в конкретную эпоху, доминирующие ценностные ориентиры и динамику социальных тенденций. Наибольшим эвристическим потенциалом в этом обладает дискурсивная методология, которая «отражает особый характер конструирования современной социальной реальности и учитывает контекстуальные параметры, что делает её пригодной для изучения структуры медиатекстов и приемов их формирования» [7, с. 8].

Как отмечают А.П. Чудинов и Э.В. Будаев, существуют два основных варианта дискурсивного направления: контент-анализ и критический анализ дискурса. В данном исследовании применяется последний. Вышеупомянутые ученые выделяют три основные школы критического дискурс-анализа: когнитивный анализ дискурса (Т. Ван Дейк), школу дискурс-анализа Н. Фэрклоу и немецкую школу критического анализа дискурса (Р. Водак, З. Егер, У. Маас, Ю. Линк) [8]. При анализе медиатекстов в данном исследовании мы опираемся на принципы двух последних школ.

Особенность метода Н. Фэрклоу заключается в комплексном междисциплинарном подходе: дискурс анализируется как текст, дискурсивная практика и социальная практика. Ученый предложил трехмерную модель, согласно которой анализ должен быть сосредоточен на лингвистических особенностях текста, процессах воспроизводства и потребления текста и социальной практике, которой принадлежит коммуникативное событие [9].

Автор социоисторического метода, Р. Водак, подчеркивает необходимость интеграции когнитивного анализа в структуру критического дискурс-анализа для адекватного исследования взаимосвязи «дискурс – общество». Исследуя проблемы антисемитизма, ксенофобии, расизма, Р. Водак указывает на историческую обусловленность социальных когнитивных схем, предубеждений. Исследовательница говорит об историчности дискурса, зависящего от тех или иных социокультурных тенденций определенной эпохи. «Аналитическая схема исследования текстов социоисторическим дискурс-методом заключается в выявлении: 1) условий и контекста возникновения текста, 2) темы и содержания, интертекстуальности, особенностей стратегий аргументации, 3) форм лингвистической реализации текста» [10, с. 8].

С опорой на теоретические положения перечисленных научных школ в данной статье применяется метод критического дискурс-анализа, позволяющего исследовать способы конструирования социальной реальности средства-

ми массовой информации. В качестве ресурса для исследования были избраны три материала, опубликованные в крупнейших общероссийских изданиях «Известия» и «Российская газета».

В первой статье с заголовком: «Роман Щеглов: “Я боялся, что мы Свету удочерим, а завтра она умрет”», опубликованной в газете «Известия» [11], рассказывается о семейной паре пенсионеров, удочеривших ВИЧ-инфицированную девочку, от которой отказалась мать. Выбор объекта материала обусловлен контекстом уникальности события, который выражается в том, что семья (при пожилом возрасте главных героев) взяла на воспитание ребенка, заведомо зная о неизлечимости заболевания. Материал начинается с создания визуального образа квартиры пенсионеров. С помощью характерных слов и словосочетаний («хрущевка», «тесные комнаты», уменьшительно-ласкательных форм типа «кухонька») подчеркивается невысокий материальный достаток главных героев. С первого же абзаца адресант конструирует позитивное отношение, сочувствие аудитории к героям статьи посредством выбора таких речевых формулировок, как «семья *приютила* тяжело больную», «*аккуратно* оклеенная светлыми обоями кухня», «вышла на *заслуженный* отдых, *отработав* всю жизнь медсестрой».

В статье прослеживается противостояние пожилой семейной пары, воспитывающей приемного больного ребенка, одновременно двум другим сторонам. Первая – социум с негативной, осуждающей позицией: «Врачи и чиновники из органов опеки отговаривали родителей...», «Хуже дело обстоит с пересудами и сплетнями». Вторая противостоящая сторона представлена родной дочерью главных героев, имеющей собственного ребенка: «Зачем рисковать? Зачем позволять общаться здоровому ребенку с больной девочкой?» Причиной неприятия этими сторонами сложившейся ситуации, на наш взгляд, является не сам факт удочерения, а стереотипное негативное отношение к ВИЧ в обществе. Само название заболевания вызывает отторжение и страх, а ВИЧ-инфицированные люди подвергаются практикам исключения из социальной жизни.

Попытка противостоять стереотипным негативным установкам общества, преодолеть их обозначается в статье следующим образом: «Обычный дежурный вопрос: “Хотите чаю?” звучит как пароль. Отказ со стороны того, кто хоть частично посвящен в тайну семьи, может быть воспринят как проявление брезгливости. Значит, в доме – *чужой*». Слово «чужой» подчеркивает существование некой оппозиции: сторонников поступка пожилых людей и тех, кто осуждает их. Аналогичный выбор лексики прослеживается и при конструировании образа второй противостоящей стороны в лице дочери: «С внуком они теперь видятся нечасто, и то на “*чужой*” территории».

В статье четко прослеживается позиция самого автора, который формирует портрет пожилых людей как героев: «...Никогда бы не решился на *поступок*, который *совершили* Щегловы. На него вообще мало кто сумел бы *решиться*. Как, наверное, многие из нас готовы к *подвигу*, но совершать его ежедневно – это *под силу* не каждому». Героический дискурс продолжается и в повествовании о периферическом событии, которое напрямую не связано с темой статьи. Описывается случай из жизни семьи, когда сотрудники ЖЭКа отказались устранивать в детской комнате протекание панелей, поэтому отцу приемной девочки пришлось освоить «нелегкую науку герметизации швов». Автором избираются

речевые обороты, подчеркивающие готовность пенсионера рисковать жизнью ради благополучия девочки: «Свесившись с балкона, он, *рискуя упасть, все-таки заклеил трещины*». Отметим, что в данной ситуации снова неявно прослеживается оппозиция сторонников и противников пожилой пары. Сотрудникам ЖЭКа отводится нарративная роль «чужих», о чем свидетельствует выбор автором соответствующих слов, негативно настраивающих адресата по отношению к ним: «Наконец *посланцы ЖЭКа объявились, потоптались* по комнате, *не снимая уличной обуви*, осмотрели набухшие, свисающие обои и исчезли в неизвестном направлении».

Конструируя образ пенсионеров-героев, автор использует слова, синонимически сближающиеся с понятием успешности: *решиться, поступок, подвиг, совершить, освоить*. Здесь успех выражается в преодолении пожилыми людьми давления со стороны общества и родной дочери во имя благородного дела. В данной публикации описывается успех-преодоление.

Вторая статья, под заглавием «Пенсионер из Пскова построил яхту», опубликованная в газете «Известия» [12], меньше по объему, чем первая, и похожа скорее на небольшую заметку. Здесь выбор персонажа в качестве объекта журналистского дискурса обусловлен тем, что пожилой человек в одиночку, не обладая особенными материальными ресурсами, смог построить «шестиметровый швертбот». Наряду с именем (*Евгений Слукин*) употребляются такие характеризующие героя номинации, как *пенсионер, 69-летний судостроитель*. В них подчеркивается возраст главного героя как фактор, указывающий на уникальность события.

В данной статье дискурс успешности выражается в употреблении следующих характерных слов и выражений: *совершить, преодолеть, испытания* [судна] *прошли успешно*. Конструируется образ успеха-самопреодоления: «А строил яхту бывший инженер-электрик, чтобы *преодолеть* недуги. После выхода на пенсию *одолели* болезни: сперва – радикулит, потом – инфаркт». В данном материале, в отличие от первой статьи, нет противостоящих главному герою сторон, здесь пожилому человеку необходимо преодолеть самого себя. Яхта в данном случае выступает в роли цели, «мечты»: «Но со временем *родилась мечта* о походе по “Великим псковским озерам”». Путь к достижению поставленной цели для пожилого человека лежит через преодоление физических трудностей, заболеваний. Констатация успешного прохождения испытаний яхты указывает на то, что пенсионеру удалось воплотить в жизнь мечту, добиться успеха через самопреодоление.

Третья статья, «Меценат из барака», опубликованная в «Российской газете» [13], повествует о пенсионере из Казани, Асгаде Галимзянове, посвятившем свою жизнь помощи нуждающимся. В данном материале, как и в предыдущих, акцентируется внимание на невысоком уровне личного материального благосостояния главного героя. Маркеры дискурса бедности прослеживаются на протяжении всего рассказа (*полусгнившая трущоба, «хоромы», крошечные комнатухи*) начиная с характерного слова *барак* в заголовке. Использование автором речевых оборотов, относящихся к разговорной лексике (*сесть за баранку авто, взяться сторожить, рулить*), формирует образ главного героя как «своего» человека, выходца из народа. Журналист создает некую триаду, в которой

он сам, как представитель общественного мнения, аудитория газеты (народ) и Асгад Галимзянов становятся «своими людьми». Они, в свою очередь, противопоставляются «известным на всю страну персонам», которым, так же как и главному герою, была вручена премия Андрея Первозванного в Кремле. В данном случае есть *мы*, обычные люди (А. Галимзянов – один из *нас*), и *они* – «важные персоны». Через дискурс бедности, равно как и через акцентирование внимания читателя на принадлежности главного героя к числу рядовых граждан, автор конструирует позитивное и сопереживающее отношение аудитории к герою. Журналист четко высказывает свою позицию по отношению к благотворительной деятельности А. Галимзянова через следующее объяснение: «И все-таки: зачем он это делает? Если в двух словах: в детстве голодал и терял близких, и просто не хочет, чтобы сейчас кто-то недоедал».

В данной статье конструируется образ успеха-призвания пожилого человека посредством переплетения трех дискурсов: дискурса успешности («я всегда знал, что не пропаду», «выбиться в люди», «дела шли в гору»), дискурса благотворительности («жертвовать», «только успевал деньги раздавать», «благоустроил», «профинансировал», «подарил», «пожертвования», «передал», «оказал материальную помощь»), дискурса предприимчивости («смастерил», «механизировал», «придумал»). Несмотря на то что в материале также присутствует дискурс успеха-признания («В Казани им восхищаются, сочиняют небылицы...», «Среди известных на всю страну персон... на сцену Государственного Кремлевского дворца пригласили казанского пенсионера Асгада Галимзянова»), он является в данной статье второстепенным. Автор показывает это через отсутствие значимости для главного героя оценки его деятельности со стороны общества, о чем свидетельствует ирония А. Галимзянова в его рассказе о вручении премии в Кремле («Я теперь большим человеком стал: с космонавтами и артистами на одной сцене целовался»), а также следующее замечание автора материала: «Список добрых дел неполный: учет пожертвований Асгад Галимзянов принципиально не ведет». По Г.Л. Тульчинскому, «от признания к призванию снижается зависимость от внешней социальной оценки» [3, с. 31], именно это отличает успех-призвание, который конструируется в данной статье. Для А. Галимзянова призвание – помогать нуждающимся.

Рассматривая данный вид успеха, обратимся к мотивам деятельности главного героя. Здесь обнаруживаются глубинные мотивы, основанные на фундаментальных мировоззренческих позициях человека. Целью главного героя, испытывавшего лишения и потери в детстве, стало не столько собственное материальное благополучие, сколько помощь другим людям в его достижении: «...Все детство впроголодь прошло. Но я всегда знал, что не пропаду и другим пропасть не дам. И матери своей обещал, что, пока силы будут, все сделаю, чтобы рядом со мной люди ни в чем не нуждались» [13]. Таким образом, рассмотрение успеха-призвания свидетельствует о том, что на первый план выходят внутренние мотивы человека, в то время как признание со стороны социума становится второстепенным.

Успех – многогранное понятие, не сводящееся только к общественному признанию, количеству имеющихся у индивида материальных ценностей и социальному статусу. На основе краткого исследования статей из «Известий»

и «Российской газеты» мы сделали попытку анализа особенностей конструирования успеха-преодоления, успеха-самопреодоления и успеха-призвания в журналистском дискурсе. Указанные виды успеха в СМИ выражаются через описание поступков, несущих личностный смысл, и связаны с пробуждением таких качеств человека, как воля, благородство. Наблюдение показывает, что подобные материалы составляют крайне малую долю в современных СМИ. Это говорит о том, что успех-преодоление и успех-самопреодоление находятся на периферии системы ценностей общества, а пожилые люди, как правило, не ассоциируются с этим понятием.

Доминирование понимания феномена успеха в утилитарном контексте в современной России говорит о постепенной утрате фундаментальных культурно-духовных ценностей. Происходит уплощение, упрощение массового сознания, которое становится все более потребительским и односложным. Следствием этого является размывание национальной идентичности и ослабление страны. Практики исключения людей третьего возраста из поля дискурса успешности указывают не только на усиливающийся культ молодости, но и на потерю авторитета пожилых людей, которые, в свою очередь, являются носителями фундаментальных ценностей, важнейшим медиатором между разными поколениями. Указанные тенденции, на наш взгляд, носят негативный характер и требуют коррекции, важнейшую роль в которой могут сыграть средства массовой информации.

Summary

I.A. Beltsova. Success as a Value in Russian Mass Media (Gerontological Aspect).

This article deals with the basic interpretations of the concept of success in modern Russian society. Based on the scale offered by G.L. Tulchinskii, we distinguish the following types of success: success as overcoming, success as self-overcoming, and success as a mission. Three articles from the *Izvestia* and *Rossiyskaya Gazeta* newspapers are taken as an experimental resource. We have chosen the social constructionism theory as a theoretical framework for research and the method of critical discourse analysis developed by N. Fairclough and R. Wodak's schools of thought. The analysis has revealed peculiarities of the discourse of success in the three mentioned variations within the gerontological context. It has also demonstrated the complexity of the concept of success and the irreducibility of its semantic field to the material aspect.

Key words: success, success as overcoming, success as self-overcoming, success as a mission, discourse analysis, discursive practices, elderly people, third age.

Литература

1. Грохольская О.Г., Анисимов В.В. Безопасность образования как социально-педагогическая проблема // Вестн. Ун-та Рос. акад. образования. – 2006. – № 3. – С. 10–19.
2. Кагитина С.Ю. Становление новой системы ценностей в контексте модернизационных процессов в современной России (философско-культурологический анализ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2010. – 24 с.
3. Тульчинский Г.Л. Успех и эффективность // Российская модель успеха. Ведомости. – Тюмень: НИИ ПЭ, 1996. – Вып. 6. – С. 30–33.

4. *Смолькин А.А.* Социокультурная динамика отношения к старости: Дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2004. – 144 с.
5. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Моск. филос. фонд; Медиум; Academia, 1995. – 323 с.
6. *Фуко М.* Археология знания. – СПб.: Гуманит. Акад.; Универ. кн., 2004. – 415 с.
7. *Саяпина И.Ю.* Медийное конструирование социальной реальности: теоретико-методологический подход: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2011. – 19 с.
8. *Чудинов А.П., Будаев Э.В.* Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2006. – Т. 45, № 20. – С. 167–175.
9. *Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ: теория и метод. – Харьков: Гуманит. центр, 2008. – 352 с.
10. *Коваленко Е.Н.* Концептуальные основания политического дискурса современного российского женского движения: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2011. – 22 с.
11. *Стулов И.* Роман Щеглов: «Я боялся, что мы Свету удочерим, а завтра она умрет» // Известия. – 2007. – 19 июня. – URL: <http://www.izvestia.ru/news/325739>, свободный.
12. *Рявкин Г.* Пенсионер из Пскова построил яхту // Известия. – 2003. – 11 нояб. – URL: <http://www.izvestia.ru/news/283668>, свободный.
13. *Брайловская С.* Мecenат из барака // Рос. газ. – 2008. – 10 янв. – URL: <http://www.rg.ru/2008/01/10/mecenat.html>, свободный.

Поступила в редакцию
11.06.12

Бельцова Инна Александровна – соискатель кафедры журналистики Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: ibelts@gmail.com